This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

DOI: 10.24833/2410-2423-2021-2-26-87-97

PROFESSIONAL ESSAY IN LAW AS A TYPE OF DISCOURSE: ARGUMENTATIVE ASPECT

E.L. Tunitskaya

Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 6a, Vorobyovskoe shosse, Moscow, 119285

N.P. Khomiakova

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. *The authors of the article introduced the term 'a professional essay' by which is meant a genre of scientific academic discourse. A professional essay in law is a variant, which is characterized by its specific argumentation based on formal and dialectical logic. The formal logic is based on the principles of syllogism. At the same time, one should not equate the logic of discourse with its linguistic structure. For example, the functioning of discursive connectors in the process of argumentation occurs according to the laws of language and is described on the basis of its linguistic specifics (breadth and contextual conditionality of meaning, contextual synonymy, etc.)*

Key Words: *professional essay, professional essay in law, juridical reasoning, academic discourse, specific argumentation, formal logic, dialectical logic, syllogism, discursive connector*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЭССЕ В ОБЛАСТИ ПРАВА КАК ВИД ДИСКУРСА: АРГУМЕНТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Е. Л. Туницкая

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации»
Москва, 119285, Воробьёвское шоссе, 6а.

Н. П. Хомякова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, 119454, проспект Вернадского, 76

Аннотация. *Понятие профессионального эссе было выдвинуто авторами настоящей статьи как жанра научного академического дискурса. Профессиональное эссе в области права представляет его разновидность, которая характеризуется специфической аргументативной направленностью, включающей формальную логику и диалектическую логику. Формальная логика основывается на принципах силлогизма. В то же время не следует отождествлять логику дискурса и его языковую структуру. Например, функционирование дискурсивных коннекторов в процессе аргументации происходит по законам языка и описывается с учётом их языковой специфики (широта и контекстуальная обусловленность значения, контекстуальная синонимия и т.п.)*

Ключевые слова: *профессиональное эссе, профессиональное эссе в области права, юридическое рассуждение, научный академический дискурс, аргументативная направленность, формальная логика, диалектическая логика, силлогизм, дискурсивный коннектор*

В своих предшествующих публикациях [3; 4] авторы настоящей статьи выдвинули понятие *профессионального эссе,* под которым понимается научное произведение, создаваемое в процессе познавательной деятельности субъектов науки особой категории – студентов-нефилологов, предпринимающих свои первые попытки написания исследовательских работ на родном и иностранном языках, адресованное соответствующему компетентному дискурсивному сообществу – преподавателям данного учебного заведения [4, с. 20].

В соответствии с его коммуникативной целеустановкой, композиционными формами и тематической одноплановостью, профессиональное эссе соотносится авторами с академическим подтипом научного дискурса и определяется как его особая разновидность. Было показано также, что профессиональное эссе это *кросскультурное родовое* понятие по отношению, с одной стороны, к таким его видовым коррелятам, как курсовая работа и выпускная квалификационная работа, характеризующих российскую образовательную культуру, а с другой стороны, по отношению к концептам Dissertation и Mémoire de recherche, присущих сопоставляемой французской интеллектуальной культуре.

Таким образом, с точки зрения объекта, речь идёт о создании русскоязычными студентами дебютных исследовательских работ на изучаемом ими языке, в нашем случае французском. В идеале их произведения должны отвечать всем критериям и требованиям, предъявляемым к работам данного академического типа (подтипа) во французских вузах.

Одновременно авторами были выделены специфические структурно-дискурсивные характеристики п*рофессионального эссе в области права,* которое носит композитный характер и включает две дискурсивные составляющие – научную и правовую. Первая из них генерирует определённую совокупность текстовых образований/ функционально-семантических типов речи, присущих научному дискурсу (сообщение, дефиниция, сравнение, толкование, доказывание), а вторая представлена различными разновидностями правового дискурса (законодательного, судебного, договорного).

Указанная совокупность дискурсивных элементов обеспечивает доминирующую *аргументативную* направленность речевого произведения, создаваемого правоведами [5; 7; 12; 13].

Объём статьи позволяет охарактеризовать лишь аргументативный аспект правового эссе, отвлекаясь от его терминологического аспекта и иных дискурсивных характеристик.

В настоящей статье предлагается углублённый анализ сути юридического рассуждения как сугубо аргументативного процесса, имеющего целью создание профессионального эссе в области права. Он осуществлён нами на примере французского языка и применительно к студентам-юристам, изучающим международное право, что предполагает знание элементов гражданского права, договорного права, европейского права, международного частного права, международного унифицированного права. Обозначенная цель настоящей статьи обязывает нас в первую очередь

напомнить о том, что российская и французская доктрины выдвигают совпадающие характеристики речемыслительных процессов, присущих работникам юридического труда, обусловленных спецификой выполняемой ими профессиональной деятельности.

Так, юрист-логик В. П. Малахов высказывает мысль о специфике юридического мышления, которое он квалифицирует как логико-формальное, что определяется самой природой права [1, с. 210].

Аналогичную позицию занимает французский юрист Пьер Сандевуар, утверждающий, что право как отрасль науки является «особым способом мышления, разрешения проблем» … [13, с. 105]. Этот автор также отмечает, что рассуждения и действия юриста любой специализации обусловлены «юридической логикой».

Все эти факторы находят отражение в создаваемых юристами речевых формах: в обвинительной речи прокурора, в защитительном выступлении адвоката, в решении, вынесенном судьёй, в исследовании, представленном учёным.

Характерно, что французская доктрина использует понятие юридического рассуждения в описании всех разновидностей речевых произведений, созданных правоведами. Так, по мнению Пьера Сандевуара, «вся техника права – науки нормативной – вращается вокруг рассуждения» [13, с. 107; 11, с.7].

Все вышеуказанные авторы, признавая, что юридические рассуждения различаются в зависимости от выполняемой деятельности (деятельность судьи, адвоката, научного исследователя, юрисконсульта) [13], подчёркивают доминирующую черту, присущую любому виду юридического рассуждения – его логический и дедуктивный характер, обуславливающий его специфическую аргументативность [5; 7; 8; 11; 12; 13].

В этой связи эквивалентными обозначениями рассматриваемого понятия во многих работах французских исследователей становятся выражения – логическое рассуждение, дедуктивное рассуждение, аргументативное рассуждение (raisonnement logique, raisonnement déductif, raisonnement argumentatif), которое противопоставляется диалектическому рассуждению (raisonnement dialectique), практикуемому авторами литературных и философических трудов [5; 12]. Указанное сущностное качество юридического рассуждения учёные связывают с тем, что оно основано на постоянном сопоставлении определённых норм права с конкретными фактами и ситуациями, по поводу которых надлежит сделать логический и достоверный вывод. Юрист призван доказательно разъяснить и расположить концепции, принципы, синонимы, вытекающие из заданных норм, которые он полагает правомерным применить. В этой связи в его сознании неизменно происходит переход от права к фактам и наоборот, где факты подлежат рассмотрению на основе положений права, а право применяется с целью рассмотрения этих фактов. Задача юриста состоит в том, чтобы выявить и обосновать это соответствие [5, с. 135, 136].

Очевидно, юридическое рассуждение должно иметь логическую основу, соответствующую нормативным функциям и применению права, что уменьшит риск субъективности и неточности в оценке явлений [13, с. 145].

Такое рассуждение, по строгости напоминающее математическое, основывается на использовании жёстких методов формальной логики и дедукции, на принципе силлогизма [5; 7; 11; 13]. Этот принцип состоит в том, что если какая-либо ситуация или факты рассматриваются в соответствии с определённой нормой права, положением закона, регламента или договора, то эта ситуация или факты должны в обязательном порядке регулироваться той же нормой или положением.

Структура силлогизма показана нами в следующей таблице, включающей бóльшую посылку (правовую норму, закон), меньшую посылку (изложение ситуации, фактов) и вывод. Наиболее очевидно и последовательно рассматриваемый принцип используется в судебном постановлении. Вывод жёстко привязан и вытекает из предшествующих эксплицитно или имплицитно выраженных силлогических умозаключений. Он являет собой вердикт, который устанавливает, удовлетворил ли суд на основании представленных положений действующего права исковую жалобу или её отклонил.

Приведём пример силлогического рассуждения, лежащего в основе вынесенного судебного решения, представив фрагменты постановления Кассационного суда №05-17741 от 9.1.2002, где бóльшая посылка обусловлена положениями регламента №44/2001 Европейского союза от 2000 года «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам».

Силлогизм, обусловливающий мотивацию судебного решения	
Посылки: **Бóльшая:** В сфере международного права статья 23 Регламента (CE) no 44/2001 от 20.12.2000 признает действительность оговорки об исключительной подсудности на том лишь основании, что одна из сторон домицилирована в государстве-члене ЕС и указанный юрисдикционный орган находится на территории государства-члена; **Мéньшая:** Компания Люксембург (акционерное общество) подала на господина X…, имеющего французское гражданство и проживающего в Лондоне, иск в торговый суд Парижа, в соответствии с оговоркой об исключительной подсудности, включённой в приложении к договору, заключённому между г. X… и указанной компанией в 1997; Г-н X… критикует обжалуемое постановление апелляционного суда, подтвердившее решение нижестоящей судебной инстанции за то, что оно признало юрисдикцию торгового суда Парижа по рассмотрению данного спора. **Заключение:** является правомерной оговорка об исключительной подсудности, предоставляющая юрисдикцию торговому суду Парижа, на которую дали обоюдное согласие люксембургская компания и г-н X.., французский гражданин, проживающий в Лондоне, даже если последний не имеет статус коммерсанта; Апелляционный суд надлежащим образом обосновал своё решение; **На этом основании:** **Кассационный суд** отклоняет жалобу	**Les règles de droit:** **Majeure:** En matière internationale, l'article 23 du Règlement (CE) no 44/2001 du Conseil du 22 décembre 2000 reconnaît la validité de la clause attributive de juridiction aux seules conditions que l'une des parties au moins soit domiciliée dans un Etat signataire et que la juridiction désignée soit celle d'un Etat contractant; **Mineure:** La société Luxembourg SA, a assigné M. X…, de nationalité française et domicilié à Londres, devant le tribunal de commerce de Paris, en application d'une clause attributive de juridiction contenue dans un «protocole» de 1997; M. X… fait grief à l'arrêt confirmatif attaqué d'avoir dit que le tribunal de commerce de Paris était compétent pour statuer sur le litige. **Conclusion :** La clause attributive de compétence convenue entre une société luxembourgeoise et un Français, même non commerçant, résidant à Londres, donnant compétence au tribunal de commerce de Paris, est valable; La cour d'appel a légalement justifié sa décision; **Par ces motifs** **La Cour de cassation** rejette le pourvoi

Пьер Сандевуар сопоставляет силлогизм с методами формальной логики, которая является неотъемлемой составляющей юридической логики в целом [13, с. 214].

Жан-Луи Бержель прибегает к выражению «жёсткая логика силлогизмов» (la logique rigoureuse des syllogismes) и утверждает, что без неё решения юристов превратились бы в произвол [5, с. 147].

Как это было указано выше, формальная логика присуща в той или иной степени любому виду юридического рассуждения. Применительно к рассуждению, имеющему целью создание творческого произведения – профессионального эссе в области права, – обращение к силлогическим умозаключениям будет обусловлено выбором темы исследования. Если она связана с анализом какой-либо концепции, содержания законодательства, то такой выбор обязывает автора прибегнуть к сопоставлению различных правовых норм, нормативных положений, воспроизвести в своей работе фрагменты судебных постановлений, используя силлогизмы.

Кроме того, принципы формальной логики лежат в основе важнейшей функции юриста, характеризующей его речевое поведение, каковой является **функция толкования**.

Существенно добавить, что французская правовая доктрина солидарно квалифицирует логико-коммуникативную процедуру толкования как первую по значимости в юридическом рассуждении: она влияет и обеспечивает специфическую аргументативность в целом такого рассуждения.

Так, Пьер Сандевур рассматривает толкование как фундаментальную деятельность юриста в рамках романо-германской правовой системы [13, с. 139]. Процедуру толкования он связывает с выявлением точного смысла представленных фактов, установлением очевидности того, что кажется двусмысленным или запутанным [цит. работа, с. 140].

Целенаправленность процедуры толкования была изучена Жераром Корню (Gérard Cornu), который выделяет следующие случаи её применения:

- подтверждение правомерности применения какой-либо нормы права;

- установление сферы применения какой-либо нормы права;
- анализ какой-либо практической ситуации, то есть констатация какого-либо факта, юридическая квалификация;
- вывод в форме заключения или решения: в этом случае рассуждение опирается на правила формальной логики – принцип силлогизма [7, с. 709].

Присоединяясь к нашим зарубежным коллегам в их оценке процедуры толкования и апеллируя к собственному опыту изучения исследовательских работ французских авторов разного уровня ответственности – от уровня Dissertation juridique до уровня Thèse de doctorat, отметим следующее: не будет преувеличением констатировать, что ни одна из них не обошлась без обращения к процедуре толкования, применительно к какому-либо из вышеуказанных случаев её направленности. Приведём, в этой связи, два примера рассматриваемого вида речевого сообщения, один из которых заимствован из Dissertation juridique под названием «La propriété du dessus» (Право собственности владельца земельного участка на то, что находится на этом участке) [10], а другой из Mémoire de DEA, озаглавленного «Le rapprochement du droit européen des contrats, enjeux et perspectives» (Сопоставление положений европейского договорного права, вызовы и перспективы) [6].

Цитируемая нами ниже Dissertation juridique посвящена проблематике имущественного права. Объектом толкования в ней выступают статьи 552, 553, 554 гражданского кодекса Франции, которые закрепляют право владельца земельного участка на приращённую стоимость. Оно направлено на то, чтобы сфокусировать объём права такого владельца, выявив то, на что он права не имеет. С этой целью толкование эксплицируется путём использования глаголов, обладающих модулем полагания, волеизъявления и оценивания, занимающих начальную позицию в предложении. Они вводят в создаваемое текстовое образование те фрагменты собственно нормативных актов, которые и являются предметом обсуждения:

«Tirant les conséquences de l'attribution de la propriété du «dessus » » au maître du sol, l'article 552, al.2 du Code civil ***précise que*** *(ст. 552 §2 Гражданского кодекса* ***уточняет, что****) le propriétaire peut faire au-dessus toutes les plantations et constructions qu'il juge à propos.»;*

«L'article 553 ***décide que*** *(ст. 553* ***устанавливает, что****) toutes constructions, plantations et ouvrages sur un terrain… sont présumés faits par le propriétaire à ses frais et lui appartenir»…;*

«Quant à l'article 554, il ***oblige*** *le propriétaire d'un terrain» (что касается стр.554, то она* ***обязывает*** *собственника участка) qui a utilisé, pour construire, des matériaux ne lui appartenant pas, à les payer…;»*

Эти посылки обусловливают последующий вывод, который логично из них вытекает, образуя дедуктивное рассуждение в форме силлогизма. Вывод приносит искомый ответ на обозначенную проблему:

«La propriété du «dessus» dont il est question ***est donc*** *la propriété des bâtiments ou des végétaux,* ***non*** *celle de l'air ou de l'espace (право собственности на то, что находится на земле, о котором идёт речь,* ***включает, таким образом,*** *право собственности на постройки и насаждения,* ***но не на то,*** *что находится в воздухе и в окружающем пространстве)»;*

«Il résulte d'une telle analyse (из этого анализа следует) *que le propriétaire d'un terrain* ***ne saurait s'opposer*** *au survol de son bien par des aéronefs: il n'y a pas atteinte à son droit, dès lors que la faculté de bâtir ou planter sur son domaine n'est en rien affectée.»*

Отметим, что заключительный этап процедуры толкования, представляющий собой выводы из развёрнутого дедуктивного рассуждения, конструируется при помощи выделенных выражений, со значением обобщения, подтверждения, завершения.

Перейдём к рассмотрению второго примера толкования нормативных актов, заимствованного из выше обозначенного Mémoire de DEA, где использование данного типа речевого сообщения также подчинено общей логике развёртывания текста научного произведения.

Этот пример интересен, прежде всего, подробным описанием правовой ситуации (ме́ньшая посылка), которая стоит во главе всей дедуктивной цепочки и обусловливает её развёртывание. В ситуации речь идёт о последовательном сближении законодательств стран ЕС в области договорного, акционерного, уголовного, а также процессуального права. Сотрудничество в этой последней области права всё шире опирается на феномен «коммунитаризации», то есть унификации норм права на основе регламентов и директив. Приводим фрагмент этого описания:

«…S'il est beaucoup question de rapprochement en matière de droits des contrats, il s'agit en fait d'une évolution actuelle du droit communautaire qui s'inscrit dans un cadre plus général. Ce mouvement se retrouve dans des domaines aussi variés que le droit des marchés publics, le droit des sociétés ou le droit pénal» [6, с. 8].

Далее автор исследования приступает к истолкованию статей 61 и 65 договора об учреждении Европейского Экономического Сообщества (бо́льшая посылка), призванных повлиять на представленную правовую ситуацию. При этом специфично, что оно буквально срастается с процедурой описания правовой ситуации (ме́ньшая посылка), поскольку автор лишь называет нужные статьи, но не цитирует их, как если бы он был уверен в том, что компетентный читатель конечно же их знает, – приём использования усечённого силлогизма, характерный для профессионального эссе в области права указанного уровня. Толкование обозначенных актов автор осуществляет, выявляя их значимость с точки зрения принятия мер, обеспечивающих коммунитаризацию профессионального права:

«Il résulte de la combinaison des articles 61 c et 65 du traité CE que le Conseil ***doit arrêter*** *les mesures permettant* ***d'améliorer et de simplifier*** *la coopération en matière d'obtention des preuves.* ***C'est ainsi qu'a été pris*** *un règlement le 28 mai 2001 relatif à la coopération entre les juridictions des Etats membres dans le domaine de l'obtention des preuves en matière civile ou commerciale.»* [6, с. 8].

Как явствует из представленного текста, автор весьма категорично обозначает в нём, через посредство толкования, свою позицию, касающуюся действенности и последствий обсуждаемых нормативных актов. С этой целью он прибегает к использованию ряда глаголов и выражений, обладающих волятивным модусом: devoir arrêter les mesures (быть должным установить необходимые меры); prendre un règlement (принять регламент); avoir pour vocation de privilégier l'entraide judiciaire (быть предназначенным для того, чтобы обеспечить приоритет юрисдикционной взаимопощи); interdir toute fluidité spaciale (запретить всякую нестабильность в рассматриваемой правовой сфере).

Процедура толкования завершается не менее категоричным и очевидным выводом, обязательность выполнения которого передаётся автором через использование волятивного выражения «être nécessaire».

«Or, la liberté de circulation des mesures d'instruction, comme celle des personnes ou des capitaux, ***est nécessaire*** *au bon fonctionnement du marché commun.»*

Таким образом, приведённый пример процедуры толкования, основанный на правилах силлогизма, убеждает в том, что эти правила могут видоизменяться (порядок представления бо́льшей и ме́ньшей посылок; усечённость первой из них и развёрнутость второй), что отнюдь не умаляет распространённости и эффективности такого вида толкования в научных произведениях рассматриваемого профиля.

Подчеркнём повторно, что представители французской доктрины неизменно рассматривают толкование как важнейшую составляющую общей аргументативной направленности юридического рассуждения. Функция аргументирования, по убеждению этих учёных, носит главенствующий и собирательный характер применительно к рассматриваемой категории профессионалов. Она состоит не только в жёстком и доказательном предъявлении норм и фактов, но и в умении убеждать, которое образует её вторую, также очень важную составляющую [5; 13].

В этой связи Пьер Сандевуар выделяет два подвида юридической аргументации: рациональная аргументация опирается на методы формальной или конкретной логики, а менее рациональная состоит в убеждении [13, с.173-175].

Юрист-лингвист Жерар Корню, защищая, по сути, идентичную позицию, выделяет в юридическом толкования два направления. Одно из них связано с применением процедуры формальной логики (l'opération qui s'appuie sur la logique formelle) и состоит в приложении норм права к конкретной ситуации (l'application d'une règle de droit à un cas), а другое предполагает создание и выдвижение доводов в рамках аргументативной процедуры (plus spécialement argumentation: élaboration et agencement de raisons) [7, с. 709].

Жан-Луи Бержель убеждает в том, что поскольку право регулирует ситуации, связанные с человеческим и социальным фактором, а не только с абстрактными нормами, оно не может быть сопряжено лишь с жёстким «математическим» рассуждением. Юридическое рассуждение это комплексное рассуждение, охватывающее совокупность доводов, число, качество и выдвижение которых направлено на то, чтобы достичь убеждения [5, с. 135-137].

Представленные позиции позволяют заключить, что аргументативность творческих исследовательских работ в области права опирается также и на диалектическую логику и широко черпает из риторической науки.

Формальная логика и логика диалектическая обеспечивают композицию дискурса – чередование разделов, последовательность подразделов и абзацев. Но при анализе юридического дискурса важна и его языковая форма.

Об этом напоминает, например, французский исследователь М. – Л. Матье – Изорш [11]. Выполняя исследование в русле логики, учёный, тем не менее, справедливо подчёркивает, что любой аргумент работает лишь в определённом ситуативном контексте. Связку «контекст – аргумент» автор именует термином «moule argumentative», имея в виду, что аргумент каждый раз словно заливается в определённую форму, которая зависит от аудитории, на которую надо воздействовать. По мнению М. – Л. Матье – Изорш, аргументирующий должен оттолкнуться от положения, которое данная аудитория готова принять, чтобы привести её к нужному выводу по формуле «если А, то Б». Таким образом, успех аргументации обусловлен предварительным принятием аудиторией определённого исходного суждения. Подобное принятие может быть обеспечено авторитетом самого убеждающего, авторитетом третьего лица или закона, на который убеждающий ссылается, данными статистики, ссылкой на исторический факт, на общепринятую точку зрения и т.п.

Эти соображения напрямую адресуют нас к известному положению лингвопрагматики о пресуппозиции как условию успешной коммуникации. Таким образом, исследование специфики юридического рассуждения переводит описание в сферу языкознания. По данному аспекту М.–Л. Матье – Изорш высказывается вполне определённо: нельзя впрямую отождествлять логику и языковую семантику. Исследование логики построения юридического рассуждения должно сочетаться с анализом языковой структуры правового дискурса.

Научный дискурс носит дискуссионный характер, а поэтому даёт богатый материал для изучения роли языка в аргументации. Не пытаясь дать исчерпывающий перечень языковых единиц, оформляющих рассуждение, назовём в качестве примера средства актуального членения высказывания единицы с модальным значением, рассмотренные выше. Но в первую очередь обращают на себя внимание дискурсивные, или прагматические коннекторы, относящиеся к различным частям речи и обеспечивающие формальную и смысловую связанность предложений и их частей, а также сверхфразовых единств.

Рассмотрим функционирование коннекторов в научном правовом дискурсе на примере аутентичной магистерской диссертации [6]. Данные языковые единицы легко вычленяются в тексте, что облегчает научное наблюдение и позволяет ответить на вопрос, какие связующие единицы наиболее употребительны в правовом дискурсе и в чём их специфика.

Дискурсивные коннекторы продуктивно изучать с опорой на аргументативную теорию О. Дюкро и Ж.-П. Анскомбра [9]. Преимущество подхода французских исследователей заключается в движении от формы к содержанию: от практического наблюдения над функционированием дан-

ных языковых единиц в дискурсе к обобщениям и выводам. Аргументативная теория О. Дюкро позволяет учесть широкозначность дискурсивных коннекторов, зависимость их семантики от контекста, она не исключает учёт в описании регистра речи и особенностей авторского словоупотребления[1].

Следует подчеркнуть, что виртуальный диалог полемического характера рассматривается в рамках данной теории вовсе не как транскрипция дискуссии с реальным оппонентом: автор научного дискурса излагает заведомо неверное или неточное, недостаточно аргументированное суждение, которое затем опровергается или дополняется, а аудитория призвана разделить логику опровержения или дополнения и таким образом прийти к верному выводу. Причём в научном дискурсе довольно часто не уточняется имя реального оппонента в этом полемическом диалоге, а сам диалог рассматривается как приём аргументации и как способ лингвистического описания.

Анализ названной монографии указывает на многочисленность используемых дискурсивных коннекторов, причём автор явно отдаёт предпочтение одним, используя их многократно в ущерб прочим. Статистически наиболее употребительными в магистерской диссертации оказались коннекторы: ainsi, mais, car, toutefois, en effet.

Например, уступительное союзное наречие toutefois употреблено 7 раз на 25-и страницах, а близкие по значению tout de même и néanmoins – один раз, причём лишь для того, чтобы избежать повторного употребления одной и той же единицы в рамках одного абзаца. Объём проведённого исследования не позволяет определить, является ли этот выбор характерным для жанра профессионального юридического эссе или он в большей степени отражает личные авторские предпочтения. Тем не менее, очевидно, что учёт жанровых и индивидуальных особенностей употребления языковых единиц в исследовании языка профессионального эссе необходим.

«*Mais comme nous l'avons vu, les modalités de ce rapprochement sont multiples, elles relèvent essentiellement des règlements et des directives.* ***Toutefois (тем не менее, однако),*** *une harmonisation souple est souvent privilégiée car le droit communautaire obéit aux principes de subsidiarité…*» [6, с. 7].

Попутно, применение аргументативного подхода позволяет, в ряде случаев, уточнить семантику и функцию того или иного коннектора. Так, коннектор toutefois, служит не для опровержения предшествующего суждения, приписываемого виртуальному оппоненту, а для снятия самого противоречия между первым и вторым суждением: и то, и другое верно в определённых рамках. Для опровержения первого суждения использовались бы дискурсивные наречия en fait, en réalité (на деле, в реальности).

Широкозначность и наличие у дискурсивных коннекторов контекстуально зависимых значений можно проиллюстрировать употреблением наречия ainsi. Сравним:

«*Comme il (le consommateur) ne se sent pas en sécurité, il préfère se contenter de ce que lui offre son marché national.* ***Ainsi (= c'est pourquoi, donc, par conséquent),*** *une grande partie de cosommateurs est exclue des avantages que représente le marché unique* [6, с. 16].

« *Selon les auteurs, ces différents types de rapprochement ne sont pas définis de la même manière,* ***ainsi (=par exemple, en effet),*** *le Vocabulaire Capitant retient qu'une harmonisation peut consister à «unifier des ensembles législatifs différents….* » [6, с. 4].

Если в первом примере контекст актуализирует семантику вывода, то во втором – значение доказательного примера, иллюстрации.

Одновременно, приведённые выше примеры удачно иллюстрируют явление контекстуальной синонимии дискурсивных коннекторов.

Употребление распространённого в правовом дискурсе союзного наречия en effet также удачно иллюстрирует положение о синонимии коннекторов и контекстуальной обусловленности их семантики.

[1] Отметим, что формальное отсутствие коннекторной связи (бессоюзное предложение) не препятствует аргументативному анализу, поскольку позволяет опираться на смысл соположенных частей высказывания.

Так, в предшествующем высказывании en effet служит для подтверждения авторского суждения через использование примера; тогда как ниже, используя en effet, автор аргументирует свою позицию, указывая на причину события, обычно общеизвестную:

«Il est temps de songer à une unification des règles juridiques de plusieurs pays, ***en effet (=car),*** *la disparité des lois nationales semble incompatible avec la multiplication des échanges* [6, с. 3]».[2]

Что касается коннектора car (ибо), то его употребительность в правовом дискурсе подтверждает прежде всего необходимость учёта регистра речи, в данном случае – официального, в анализе единиц данного класса.

Кроме того, применение аргументативного подхода и в этом случае позволяет уточнить семантику и функцию союза. В ряде изданий car рассматривается как квази-синоним parce que, занимающий ту же позицию в высказывании и отличающийся лишь отнесением к официальному регистру речи. На деле, у этих коннекторов разная пресуппозиция: car обычно указывает на общеизвестную причину, наличие которой не требует доказательства, тогда как parce que вводит суждение причины, которое аудитория может воспринять как необоснованное. В таком случае, удачной синонимической заменой car в контексте научного правового дискурса будет en effet или puisque. Впрочем, puisque в анализируемом материале практически отсутствует, ввиду, как нам представляется, его большей разговорной направленности.

"Le bilan de ce mode de rapprochement est globalement insuffisant ***car (=en effet et ce que vous connaissez bien)*** *ces conventions n'ont de valeur qu'une fois ratifiées... Puis dans leur application, des atteintes peuvent être portées à l'unification* ***car (=en effet et ce que vous connaissez bien)*** *les juges nationaux ont des interprétations différentes des textes »* [6, с. 5-6].

Нами было отмечено, что контекстуально обусловленное значение коннектора может также стать основным в данном типе дискурса или у данного автора. В частности, союз si, передающий, прежде всего, условное значение, в рассматриваемом дискурсе не указывает на условие, а употребляется преимущественно как контекстуальный синоним сложного коннектора même si в значении возможности, допущения. Взаимодействие с коннектором tout de même обеспечивает всему высказыванию в целом уступительное значение.

«Si le commerce transfrontalier implique des dépenses supplémentaires pour les entreprises, celles de grande taille y trouvent ***tout de même*** *un avantage incontestable...»* [6, с. 14].

Таким образом, аргументативная функция языковых единиц не изоморфна логике, хотя служит для её выражения, но требует отдельного изучения с учётом собственно лингвистических закономерностей широкозначности, контекстуальной обусловленности и взаимовлияния, синонимии, маркированности по регистру речи, авторскому словоупотреблению. Формирование умения использовать языковые средства построения дискурса (рассуждения) – одна из задач курса обучения языку профессии.

Заключая статью, подчеркнём, что феномен профессионального эссе в области права был в ней рассмотрен в дихотомическом плане – как разновидность жанра научного академического дискурса и одновременно как речевое произведение, олицетворяющее его итоговое воплощение. В этом рассмотрении акцент был сделан на специфику его аргументативности, которая состоит в генерировании элементов формальной/дедуктивной логики, присущей правовой науке и элементов диалектической логики, характеризующей собственно научное исследование. В этой связи французская доктрина соотносит речевые произведения, создаваемые представителями различных юридических профессий, с различными видами рассуждений, которые варьируют в соответствии с каждой профессией. Авторы статьи охарактеризовали одну из таких разновидностей речевого произведения – профессиональное эссе в области права, включив в рассмотрение и его собственно языковые параметры (аргументативные коннекторы).

© Туницкая Е.Л., Хомякова Н.П., 2021

[2] Более подробно функционирование широкозначного коннектора en effet рассматривается в статье Е.Л. Туницкой [2]:

Список литературы

1. Малахов В.П. Логика для юристов. М.: Академический проект, 2002. 387с.
2. Туницкая Е.Л. Сопоставительный анализ дискурсивных коннекторов “en fait” и “en effet” во французском языке// Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Выпуск 2 (818). М.: МГЛУ, 2019. С. 114 – 128.
3. Хомякова Н.П. Профессиональное эссе как одна из базовых технологий формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов-нефилологов//Ежегодный сборник статей преподавателей иностранных языков ВАВТ. М.: ВАВТ, 2019. С. 89-99.
4. Хомякова Н.П., Туницкая Е.Л. Французский научный академический дискурс как аспект курса по иностранному языку специальности в вузах нефилологического профиля. Монография. М.: Языки народов мира, 2020. 170 с.
5. Bergel J.-L. Méthodologie juridique. Droit privé. P.: PUF, 2001. 140 p.
6. Clermont M. Le rapprochement du droit européen des contrats : enjeux et perspectives. Mémoire de DEA– Lille, École doctorale des sciences juridiques, politiques, économiques et de gestion, 2003. 177p.
7. Cornu G.Vocabulaire juridique. P.: Presse Universitaires de France, 2007. 925 p.
8. Damette E., Dargirolle F. Méthode de français juridique. P.: Dalloz, 2012. 360 p.
9. Ducrot O. Opérateurs argumentatifs et visee argumentative// Cahiers de linguistique francaise. Genève, 1983. №5. P. 36-54.
10. Goubeaux G., Bihr Ph. Les épreuves écrites en droit civil: Dissertation, Consultation, Commentaire d’arrêt. P.: L G D J, 2001. 269 p.
11. Mathieu Izorche M.-L. Le raisonnement juridique. P.: PUF. 2001. 439 p.
12. Pansier F.-Y. Méthodologie du droit. P.: Litec, 2015. 210p.
13. Sandevoir P. Introduction au droit. P.: Dunod, 1991. 320p.

References

1. Malakhov, V.P. *Logika dlia iuristov* [Logic for lawyers]. M.: Akademicheskii proekt, 2002, 387s.
2. Tunitskaya E.L. Sopostavitel’nyi analiz diskursivnykh konnektorov “en fait” i “en effet” vo frantsuzskom iazyke [Comparative analysis of discourse connectors “en fait” and “en effet” in French]// *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki.* Vypusk 2 (818). M.: MGLU, 2019. S. 114–128.
3. Khomiakova, N.P. Professional’noe esse kak odna iz bazovykh tekhnologii formirovaniia inoyazychnoi kommunikativnoi kompetentsii studentov-nefilologov [Professional essay as one of the basic technologies for the formation of foreign language communicative competence of non-philological students] // *Ezhegodnyi sbornik statei prepodavatelei inostrannykh iazykov VAVT.* M.: VAVT, 2019. S. 89–99.
4. Khomiakova, N.P., Tunitskaya E.L. *Frantsuzskii nauchnyi akademicheskii diskurs kak aspekt kursa po inostrannomu iazyku spetsial’nosti v vuzakh nefilologicheskogo profilia. Monografiya* [French scientific academic discourse as an aspect of a foreign language course in a specialty in non-philological universities]. M.:Iazyki narodov mira, 2020. 170 s.
5. Bergel, J.-L. *Méthodologie juridique.* Droit privé. P.: PUF, 2001. 140 p.
6. Clermont, M. *Le rapprochement du droit européen des contrats : enjeux et perspectives.* Mémoire de DEA – Lille, École doctorale des sciences juridiques, politiques, économiques et de gestion. 2003. 177p.
7. Cornu, G.*Vocabulaire juridique.* P.: Pressee Universitaires de France, 2007. 925 p.
8. Damette, E., Dargirolle, F. *Méthode de français juridique.* P.: Dalloz, 2012. 360 p.
9. Ducrot, O. Opérateurs argumentatifs et visee argumentative// *Cahiers de linguistique francaise.* Genève. 1983. №5. P. 36-54.
10. Goubeaux, G., Bihr, Ph. *Les épreuves écrites en droit civil: Dissertation, Consultation, Commentaire d’arrêt.* P.: L G D J. 2001. 269 p.
11. Mathieu Izorche, M.-L. *Le raisonnement juridique.* P.: PUF. 2001. 439 p.
12. Pansier, F.-Y. *Méthodologie du droit.* P.: Litec. 2015. 210 p.
13. Sandevoir, P. *Introduction au droit.* P.: Dunod. 1991. 320 p.

Сведения об авторах:

Туницкая Елена Леонидовна – доктор филологических наук, доцент профессор кафедры романо-германских языков ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации». Специальность – 10.02.05 – Романские языки.
E-mail: thon@list.ru; ETunitskaya@vavt.ru

Хомякова Наталья Петровна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры французского языка МГИМО. Специальность: 13.00.02. – Теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки). E-mail: khomiakova4340@gmail.com

About the authors:

Tunitskaya E.L. – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Languages of the Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Speciality – 10.02.05 – Romance languages. E-mail: thon@list.ru; ETunitskaya@vavt.ru

Khomiakova N.P. – Ed. Doctor, Associate Professor of the Department of the French Language at Moscow State Institute of International Relations (University). Speciality – 13.00.02. – Theory and Methods of Teaching and Education (foreign languages). E-mail: khomiakova4340@gmail.com

* * *